

Василий Лягоскин

Грозные волны моря Сулавеси

Третья книга о Серой Мышке

Василий Лягоскин

**Грозные волны моря Сулавеси.
Третья книга о Серой Мышке**

«Издательские решения»

Лягоскин В. И.

Грозные волны моря Сулавеси. Третья книга о Серой Мышке /
В. И. Лягоскин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-831604-3

Боевая эскадра японского флота, самый могучий клан якудза, тайный клуб американских миллиардеров — что может противопоставить им женщина, которая называет себя Серой Мышкой? Очень много, если в этой мышке разбудить зверя...

ISBN 978-5-44-831604-3

© Лягоскин В. И.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Август 2000 года. Море Сулавеси	6
Глава 2. Море Сулавеси. Продолжение	12
Глава 3. Море Сулавеси – база Йокосука	21
Глава 4. Август 1999 года. Ковров – Токио	27
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Грозные волны моря Сулавеси
Третья книга о Серой Мышке
Василий Лягошкин

© Василий Лягошкин, 2016

ISBN 978-5-4483-1604-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Август 2000 года. Море Сулавеси Капитан Мацумото, командир ДЭПЛ «Касудо»

Воздух в лодке давил на голову, а больше того на подсознание. Хотя по всем приборам следовало, что ничего опасного внутри дизель-электрической подводной лодки для человеческого организма не было. Таких организмов в тесном пространстве, ограниченном прочным корпусом с применением резиновых шумопоглощающих элементов, было семьдесят. Экипаж ДЭПЛ типа «Оясио» был укомплектован полностью; а командовал этими опытными, вполне спаявшимися в единый коллектив подводниками, он – капитан Мацумото.

Это ощущение – нехватка воздуха, когда кажется, что в каждый глоток кто-то незримый не докладывает совсем крошечной порции живительного кислорода – было не новым для капитана. И раньше – где-то к исходу вторых суток подводного плавания – на темя начинал давить невидимый груз, связанный как раз с этими неприятными ощущениями. А «Касудо» – так называлась подводная лодка – кружила вокруг острова уже четвертые сутки. Боезапас тоже был готов к применению согласно штатного расписания. Тридцать торпед калибра пятьсот тридцать три миллиметра были предназначены для атаки на боевые корабли противника, но и этот неподвижный крошечный остров, названия которого на каком-то аборигенском языке Мацумото даже не попытался запомнить, могли разнести вдребезги; по крайней мере уничтожить на нем все живое. Увы – такой команды скорее всего не поступит; «Касудо» кружила сейчас вокруг небольшого клочка суши в море Сулавеси совсем для другого.

Сейчас подводная лодка была разведывательным кораблем – опасным и невидимым. Капитан знал, что совсем скоро подойдут основные силы – специальный отряд кораблей Морских сил самообороны Японии. Мацумото чуть скрипнул зубами, на мгновение оторвавшись от темного забрала перископа. Императорский флот – только так должна была называться могучая армада, в которой он посчитал бы за честь служить. Именно так назывались те силы, которые были разгромлены к концу второй мировой войны; и именно в них служил его дед, тоже капитан – только надводного корабля, который был потоплен где-то в этих водах.

– Может быть, – подумал командир лодки, опять прикивая к перископу, – он когда-нибудь высаживался на этот островок, чтобы поддержать в руках нити жизни аборигенов, живущих тут с незапамятных времен?

Такие здесь жили и сейчас. Но владели всем белые; их Мацумото ненавидел еще больше. Неважно – американцев, англичан, русских... Особенно русских. Не только из-за Северных территорий. Он вообще считал, что этот народ – ленивый, глупый и бестолковый – совершенно несправедливо владеет громадными пространствами, в которых было все... В отличие от Японии, которую природа наделила лишь скалами в океане и нестигаемым духом истинных самураев. Самураев, служащих империи – настоящей, а не той, которую сейчас превратили в театр, насмешку для всего мира.

Задачей подводной лодки было следить за этим островом и передавать командованию о малейших передвижениях на нем и в океане вокруг. Передвижения были – в основном на пляже, который хорошо просматривался в перископ через узкий проход, позволявший войти в лагуну маломерным судам. Такое и сейчас стояло у длинного причала, заступавшего в неглубокую лагуну метров на двадцать. И именно вокруг него сейчас поднялась суматоха. «Касудо» занял подводную позицию достаточно близко от прохода, и потому капитан сейчас мог разглядеть даже лица людей, спующих у маленькой яхты. В основном это были туземцы, заносившие на борт кораблика какие-то тюки и чемоданы. Наконец туда же, на яхту, тяжело поднялась беременная женщина, которую бережно поддерживал под локоть крепкий широко-

плечий мужчина. Они оба были загорелыми почти дочерна, но туземцами не являлись. Это были европейцы, и судя по всему, они готовились покинуть остров.

– Впрочем нет, – поправил себя капитан, – мужчина скорее азиат; но не японец, и от того уважения тоже не заслуживает.

Капитан опять непроизвольно скрипнул зубами. Он почему-то был уверен, что этот остров в его затронутой цивилизацией части в ближайшем будущем ждет разграбление и разрушение... А может, и что похуже. Слишком уж большие силы стягивались к этому крошечному клочку суши. Люди, что сейчас садились на яхту, этого катаклизма могли избежать. Мацумото приказал радисту, который ждал его рядом с вечной ожидающей улыбкой на губах, отправить очередную радиограмму. В отличие от предыдущих, лаконичных, на обычном человеческом языке означавших: «Все спокойно, перемен нет», – в последнюю он постарался запихать всю свою озабоченность происходящим.

– Может быть, – подумал он, – именно ради этих двух европейцев... нет – европейки и азиата... Так вот, может именно они и нужны командованию?

Командование на крик его души ответило спокойно; тем же условным знаком, что и прежде: «Продолжать наблюдение».

– Тогда может она?

Кораблик отчалил, а на пирсе осталась одна фигура – женская и очень привлекательная, даже на взгляд Мацумото, придерживающегося традиционных японских взглядов на красоту.

Командир примерил на красотку, что стояла на досках практически ровень с поверхностью моря, старинный наряд японских женщин и едва не прищелкнул языком от восхищения – картина, нарисованная им в собственной голове, была прекрасной. Потом наваждение схлынуло, и Мацумото поморщился – в который раз за сегодняшнее утро. Женщина на берегу конечно была хороша; в тех крошечных лоскутках ткани, что прикрывали интимные места и имели цвет, неотличимый от тела густого шоколадного оттенка, она выглядела в лучах достаточно высоко поднявшегося солнца практически обнаженной. Капитан даже почувствовал шевеление... Но – только лишь плотское; душу эта красотка встрепенуться не заставила.

А потом эта женская, такая мягкая и расслабленная фигурка, недавно махнувшая в последний раз вслед яхте, быстро исчезавшей в сторону Калимантана, вдруг напряглась. Капитану на краткий миг показалось, что на берегу застыл в прыжке дикий зверь, обнаруживший добычу. Он даже отпрянул от перископа, словно золотистая пантера на мостках заметила именно его, и сейчас взвьется в воздух, чтобы...

Когда Мацумото опять прильнул к перископу, ощутив вспотевшим лбом холодный пластик, на берегу никого уже не было. Несколько голых загорелых ребятишек, явно полинезийцев, которые возились на песке, были не в счет. И практически сразу же радист протянул ему трубку – теперь уже не рации, а радиотелефона. Капитан вырвал ее с непонятным для себя облегчением и радостью. Он понял, что эскадра, которую подводная лодка ждала четвертый день, на подходе. Что та операция, ради которых Морские силы самообороны его страны отвлекли от повседневных забот множество кораблей, включая его «Касудо», переходит к своей основной стадии.

Какой? Мацумото об этом не знал. Как впрочем, и адмирал Ямато, который и вызвал сейчас командира подводной лодки для доклада. Докладывать было особо нечего. Командир был уверен, что его недавняя радиограмма лежала сейчас перед адмиралом. Однако повторил ее – более живо и подробно, присовокупив и свои рассуждения. Адмирал его опасения не поддержал, и не опроверг. Он просто на них никак не отреагировал. Зато отдал приказ, порадовавшись и Мацумото, и, скорее всего, всех подводников.

– Можете всплывать, – разрешил Ямато, – отойдите от острова на полмили и продолжайте патрулирование в надводном положении. Флагман уже на походе.

Капитан отдал нужные распоряжения, заставив лодку наполниться чуть слышным топотом мягких подошв, и еще более тихих голосов. Экипаж – это Мацумото чувствовал душой – был сейчас рад не меньше его самого. А командир еще и недоумением заполнился сверх меры.

– Что же тут такого могли обнаружить, – задал он себе опять вопрос, на который раньше так и не смог найти ответ, – что целая эскадра готова тут вступить в бой? Не ту же красотку?! Чтобы схватить ее, и доставить на базу, в Йокосуку, хватило бы и одной моей лодки. Да что там говорить! Я и сам справился бы.

Основания для такой безапелляционности у Мацумото были. Восьмой дан по каратэ-до он заработал бесчисленными тренировками на татами, а не благодаря длинной родословной, которая пару веков назад даже как-то скрещивалась с императорским родом. Боевую форму он поддерживал и здесь, несмотря на тесноту помещений и загруженность. Лодка наконец всплыла и командир поспешил наверх, на свежий воздух, под ласковые лучи солнца. Здесь, в мире вечного лета, где Индийский океан соседствовал с Тихим, не было места ни грозному подводному чудовищу, которое всплыло, обрушив в спокойное море потоки воды, пахнувшей теперь продуктами работы дизельных двигателей, ни серо-стальным корпусам других кораблей эскадры, что наконец появились и включили «Касудо» в общий круг, который замкнулся вокруг беззащитного острова.

Здесь был даже десантный корабль, от которого практически сразу же отчалило несколько десантных ботов, полных морских пехотинцев. Мацумото и без бинокля оценил их численность не меньше, чем в полторы сотни человек, что означало – остров прочешут вдоль и поперек. Ему, несмотря на звезды на погонах и командирскую должность, вдруг остро захотелось попасть в эту плотную ораву, готовую уже выплеснуться на беззащитный берег стремительно волной. Он вспомнил женщину на берегу – ту ее ипостась, что была мягкой и податливой. Именно ради нее, ради того чтобы первым схватить женское тело и мять, грубо и безжалостно, он готов был спрыгнуть в морские волны. Командир даже сам удивился той невероятной жестокости, внезапно вспыхнувшей внутри. Может она была откатом, реакцией на тот невольный испуг, который ощутил он, офицер имперского флота и кавалер четырех боевых наград, когда хрупкая женщина на берегу вдруг в один миг превратилась в опасную хищницу?

Поскольку приказ о патрулировании никто не отменял, «Касудо», подчиняясь воле командира, покинул широкий круг из кораблей, застывших сейчас вокруг острова, и медленно тронулся вдоль этого круга, словно принимая парад. Мацумото видел сейчас палубы с боевыми расчетами, с офицерами, не отрывавших глаз от острова. И словно каким-то шестым, или седьмым чувством ощущал, как исходит сверху, с высоких бортов, напряженное недоумение – точно такое же, что не покидало его самого с того момента, как он увидел идущий вереди эскадры флагман. «Касудо» как раз проходил мимо этого эскадренного миноносца, который командование, отдавая дань давно натянутой поверх погон боевых офицеров шкуре миролюбивого ягненка, называло эскортным кораблем.

Мацумото даже разглядел напряженную фигуру адмирала. Который тоже не отрывал взгляда от острова. От последнего как раз отвалила первая лодка с возвращающимся десантом. Командир подводной лодки бросил быстрый взгляд на хронометр. Прошло всего два часа, как морские пехотинцы высадились на тот самый причал.

– Два часа... – протянул чуть слышно командир, – это очень мало... Или очень много – смотря что искать.

Он еще успел заметить, что в передних ботах меж форменных курточек моряков мелькнули гражданские одеяния – очень легкие, какими щеголяли аборигены. А потом дуга, по которой двигалась в надводном положении подлодка, пересекла ту невидимую границу, за которой не стало видно десантный корабль, куда возвращались боты; затем пропал за громадой острова флагман; затем...

Мацумото невольно вздрогнул, когда где-то далеко раздался глухой удар – взрыв, или иной катаклизм – который заставил разбиться на множество отдельных бурунчиков кильватерную струю. На набежавшей издали волне чуть качнулся вертолетоносец, мимо которого как раз пролегал курс «Касудо»; волна продолжила свой путь к острову. Вот последний, как показалось капитану, и саккумулировал в своей каменной толще удар, нанесенный издалека. За первым последовал еще один далекий взрыв, заставивший остров теперь уже ощутимо содрогнуться. Лодка как раз огибала самую высокую его точку, которая на короткое мгновение стала еще выше. Потому что на самом краю обрыва вдруг выросла фигурка – та самая, с причала, успевшая за несколько коротких мгновений заполнить душу Мацумото блаженным восторгом, а потом и смутить ее (душу) неподдельным испугом.

Темно-золотая в лучах поднявшегося к зениту солнца фигурка застыла на краю обрыва. Она словно чего-то ждала, и капитан догадался чего – очередного взрыва, который заставил остров содрогнуться и заскрипеть, будто со стула с трудом вставал измученный застарелым ревматизмом старик. И – Мацумото отнес это на обман зрения – остров действительно словно чуть подрос; одним резким толчком, который помог фигурке на скале подпрыгнуть высоко и красиво. Капитан непроизвольно ждал каких-то кульбитов, красивого полета ласточкой..., но все в этом прыжке с сорокаметровой (а может быть и большей) высоты было предельно четко и прагматично. Женское тело вытянулось в струнку и вошло в воду руками вперед без всяких брызг – именно в тот момент, когда гладь моря и остров потряс очередной удар.

Теперь Мацумото не сомневался – твердь посреди моря действительно шевелилась – не только вверх, но и в сторону, по окружности, вместе с его лодкой.

– Не так быстро, конечно, – усмехнулся командир подлодки, которая сейчас шла почти с максимальной скоростью – двадцать узлов, – но она крутится! Крутится, черт побери! И растет!

Теперь это было видно невооруженным взглядом. Перед ошеломленным флотом японских сил самообороны словно гигантский невидимый штопор выкручивал каменную пробку неправильной формы. И выкручивал все быстрее и быстрее, вслед ускорившемуся темпу далеких взрывов. Капитан между тем не только отмечал изумление, которое теперь изливалось на него с кораблей, но и решал несложную арифметическую задачу – как рассчитать время, когда пловчиха, что недавно показала потрясающий по красоте и расчетливости прыжок, пересечет невидимый фарватер, по которому нарезал круги «Касудо». И привести туда же свой корабль. В этой задаче была одна неизвестная величина – скорость незнакомки. Но даже приняв за данность, то сейчас в теплом море, сотрясаемом ударами, плывет олимпийская чемпионка по плаванию на дальних дистанциях, выходило, что можно было не спешить – «Касудо» легко успевал перехватить незнакомку, сделав полный оборот вокруг острова. Каково же было его изумление, когда он увидел голову с коротко стриженными волосами, сейчас слипшимися, которая болталась прямо по курсу лодки. Женщина словно ждала его, Мацумото, вместе с его боевым судном.

– А ведь действительно ждала, – капитан раздвинул губы в хищной улыбке, – вот и дождалась! А не хило же ты испугалась, что так махала руками.

Отдав приказ сбавить ход до самого малого, он повернулся к острову и невольно содрогнулся. Окажись капитан сейчас у подножия того каменного гриба, что вырос на месте некогда благословенного острова, обиталища аборигенов и этой красоты, что поймала наконец кончик каната, брошенного ей кем-то из толпившихся на палубе, огражденной металлическими леерами, он бы тоже улепетывал без оглядки, перекрывая все мыслимые рекорды по плаванию. Потому что эта каменная громадина даже отсюда, за половину морской мили, пугала своими размерами.

Женщина тем временем вцепилась в жесткий канат и так и повисла на нем, не имея очевидно сил не то что попытаться вскарабкаться вверх, но даже перехватиться руками поудобнее.

Так, со сведенными судорогой руками и ногами, ее и подняли на палубу. Здесь, в окружении подтянутых молодцеватых моряков она выглядела жалкой; сильно напоминала вытащенную из морских пучин рыбину. Она и дышала сейчас так же широко, хватая ртом теплый морской воздух. «Касудо» тем временем набрал ход и опять помчался вдоль строя кораблей, замерших в ожидании неминуемой катастрофы. Потому что никакой камень не мог выдержать той нагрузки, что уже кренила гигантский гриб набок – в том самом направлении, куда недавно ударными темпами мчалась пловчиха.

Громкий треск миллионов тонн базальта, еще недавно служившего несокрушимым основанием для острова, заставил всех испуганно втянуть головы в плечи. А женщину, которая каким-то чудом поднялась на дрожащие ноги и подскочила к лееру, в который вцепилась до посинения ладошек, еще и громко охнуть. Этот стон, выдавший слабость незнакомки, заставил капитана раздвинуть губы в злорадной улыбке.

– Не такая ты оказывается и крутая, – подумал он, не отвлекаясь от грандиозного зрелища.

Шляпка «гриба» упала в море с грохотом, сравнимым с залпом всей японской эскадры. Да и энергия, что заставила миллионы тонн воды взорваться гигантским фонтаном, а потом погнать бурлящий вал соленой воды к кораблям, была наверное не меньше той, что таилась в орудийных погребах. Мацумото сейчас был откровенно рад тому обстоятельству, что круги, которые он нарезал вокруг острова, вернее вокруг того, что от него осталось, были намечены так далеко от места катастрофы. Половину морской мили волна прошла удивительно быстро. «Касудо» взлетел на нее, оказавшись на несколько мгновений выше вертолетоносца, мимо которого как раз проходил.

Сосед взлетел еще круче и что-то там – на вертолетоносце – не выдержало такого стремительного рывка, а может, опасного крена. Даже на расстоянии двух кабельтов капитан услышал, как трещит и лопается металл. А потом – под яростные тревожные крики команды – сразу два вертолета скользнули в водяную яму, что сопровождала высокую волну.

Незнакомка, так и не отпустившая леер, но стоявшая теперь на удивление ровно, расставив для надежности ноги, что-то зло, а может и злорадно пробормотала. И Мацумото, к собственному удивлению, а потом и в каком-то восторженном предвкушении, разобрал в этом коротком выкрике русские слова. Знаток русского языка капитан себя не считал, но худобно с вероятным противником объясниться мог.

– Если бы еще все противники были такими, – осклабился командир подлодки, – и если бы с ними можно было справиться вот так, голыми руками.

Он даже закрыл на мгновение глаза, представив как эта «рыбка», сейчас уже совсем не напоминавшая измученную утопленницу, бьется в его руках и молит о помощи. К женщине – а этой загорелой ухоженной красотке было явно за тридцать – он подступил с единственным словом, которое в его устах прозвучало подобно рычанию тигра:

– Русская?!

Что-то мелькнуло в глазах незнакомки, которая, казалось, сейчас гордо выпрямится и ответит ему еще короче: «Да!». Но это движение, в начале которого незнакомка едва успела оторвать ладони от леера, осталось незаконченным. За первой гигантской пришла вторая волна. И пусть она была в несколько раз меньше, женщина поспешно вцепилась в поручень руками, снова став и жалкой и испуганной. И ответила на вопрос командира не на русском языке, а по-английски:

– Теперь уже нет. Не русская... Гражданка Израиля Ирина Рувимчик, – представилась она, отвернувшись от третьей, совсем уже мелкой волны.

Ее глаза были заполнены болью и совсем крохотной долей гнева, которую она и попробовала выплеснуть на капитана.

– И кто не ответит за это безобразие, капитан? Или ваше государство наплевало на право частной собственности? Знаете, сколько я заплатила за этот остров? А жители... Где мои люди?

Но Мацумото ни виноватым, ни вообще обязанным отвечать что-то этой тетке, оказавшейся еврейкой (израильтянин капитан тоже не любил) себя не считал. Он назначил ее личным призом; всех остальных жителей острова доставили на корабли десантники и их статус капитана совершенно не интересовал. А вот эта рыбка... Командир подлодки вдруг понял, что не сможет вернуть себе душевное спокойствие и стереть последние остатки того липкого страха, что вполз в него через трубу перископа, если откажет себе в малости – от души поиздеваться над израильтянкой; помять ее беззащитное тело так, как ему привиделось еще до катаклизма. И он кивнул матросу, что стоял за ним, с любопытством поглядывая на разгневанную женщину:

– Сатэ – тащи ее вниз.. в мою каюту. А ты, – продолжил он на английском поворачиваясь к Ирине, – сиди там тихо как мышка, пока я не приду.

Ирина, она же подполковник Крупина, нагнула голову, словно соглашаясь с японцем. Так что никто не разглядел на ее губах свирепую улыбку, когда командир подводной лодки обозвал ее «Мышкой».

Глава 2. Море Сулавеси. Продолжение

Подполковник Крупина. Не будите в мышке зверя

Наталья махнула рукой в последний раз и вздохнула, незаметно для окружающих. И хотя эти окружающие считали ее, Наталью Крупину – официально гражданку Израиля Ирину Рувимчик – безраздельной хозяйкой и острова, и их собственных жизней, показывать себя слабой в глазах островитян она не собиралась.

– Тем более, что не навсегда уехали – подумала она с теплотой о друзьях, о Николае с Лидой, которые спешили на рейс до Тель-Авива, где их уже ждала заботливая Инесса Яковлевна, – чересчур заботливая. Но это Лидке как раз и нужно сейчас.

Крупина знала, что беременные женщины могут быть капризными. Но чтобы до такой степени! Но жалеть Николая, своего брата по детскому дому, она не стала – видела, как тот безропотно и даже с видимым удовольствием бросается выполнять любой каприз жены. Да – жены, хотя никаких свидетельств на этот счет никто не выписывал. Зато жители острова провели веселый обряд, который, как они уверяли, был сильнее любой бумажки. Николаю этого хватило. А Лидке... Настроение у нее менялось каждые пять минут, так что никто спрашивать у нее не стал – она сама выказала все Емельянову – в то самое ухо без мочки, над которым часто подшучивала. Историю этой травмы она выпытала у Николая, но с Натальей на эту тему ни разу не заговаривала. И вообще – даже в самые жуткие моменты, когда ее из-за тяжело протекавшей беременности всю трясло, и хотелось облить скверным настроением всех вокруг, Наталью она не задевала ни словом. Не только потому, что была здесь, на острове, в гостях. Просто эту женщину Кочергина безмерно уважала. А своего Николая просто любила. И подсознательно чувствовала, что те хлопоты, которыми бывший подполковник СОБРА окружил свою беременную жену, приносили ему лишь искреннее удовольствие.

– Ну вот, – перенеслась мыслями Наталья вперед улетающей в далекую, но столь же теплую страну пары, – теперь пусть Коля с Инессой Яковлевной соревнуется – кто первым откликнется на очередной каприз Лидки.

Впрочем Наталья была уверена, что у старушки, управляющей ее домом в пригороде Тель-Авива, хватит тепла и внимания и для Лидии, и для самого Николая.

Лицо Мышки, немного мечтательное и грустное, вдруг стало серьезным. Она явственно увидела вдали, прямо напротив входа в неглубокую внутреннюю бухту острова, темное пятно. Группу три нуля на базе не готовили специально для морских операций, но на такие пятна, означавшие, что за островом, а может персонально за ней, следят чьи-то глаза; следят из-под воды, через перископ подводной лодки... Так вот – в том, что это именно перископ, Наталья не сомневалась. И не сдержалась – метнула навстречу этой черной железяке, зловеще торчащей из воды, злой и предостерегающий взгляд. А в следующее мгновение метнулась в заросли – в полной уверенности, что этот бросок никто не заметил.

Уже на бегу, ловко огибая кусты – и колючие, и вполне себе безобидные – она посетовала на то, что не забежала в бунгало, не накинула на себя камуфляж. Легкий, практически невесомый камуфляж, в котором красться и прятаться в тени густой растительности непонятно пока от чьих взглядов было гораздо удобнее. Еще одна мысль была об оружии.

– Ну, с этим проблем не будет, – усмехнулась она, ныряя в первый же схрон, который оборудовал в делянках подполковник Емельянов. Обнаружить эту землянку было сложно даже для опытного следопыта; а уж достать полностью снаряженный, готовый к бою автомат или десяток гранат из сейфа, замаскированного под кусок булыжника, почти не торчащего из стены, не смог бы самый умелый медвежатник. Но сейф этот так и остался закрытым. Рука подполковника Крупиной на несколько секунд повисла в воздухе. В голову, которая была занята мел-

кими, практичными и решаемыми уже здесь, в землянке, вопросами, пришел другой, сразу ставший главным и определяющим:

– А кто этот неизвестный и пока невидимый противник? И если это не продолжатели дела конгрессмена Левина, то может быть логичнее и правильней предстать перед ним, или перед ними, в образе испуганной беззащитной женщины?

Она обвела взглядом собственное тело, сейчас едва прикрытое купальником, и даже повела по нему руками – с неуловимо провоцирующей грацией, какая заставляет мужиков облизывать пересохшие губы и сглатывать тугие комки в горле.

– Да, именно так, – руки остановились на груди – всего лишь на мгновение; еще быстрее по губам пробежала злоеца усмешка.

Теперь Мышка, по прежнему в наряде супермини бикини, кралась сквозь заросли к тем точкам, откуда проглядывались окрестности – далеко за пределами острова. Океан, который совсем недавно поглотил кильватерную струю яхты, недолго оставался пустым и безжизненным. Первой в глаза Натальи, которая наконец добралась до утеса, до самой высокой точки острова, попала подводная лодка, всплывающая примерно в километре от места, где недавно пряталась на перископной глубине. В том, что это была одна и та же подводная лодка, подполковник Крупина не сомневалась. Потом рядом с лодкой возник силуэт надводного корабля; затем еще один и еще... Всего Серая Мышка насчитала двадцать восемь вымпелов – или как там они правильно назывались по морской терминологии.

– Не многовато ли для одной мышки, – хмыкнула Наталья, наблюдая, как эта армада берет в плотное кольцо ее частную собственность, – и почему на этих вымпелах ветер раздувает символ страны Восходящего солнца?

Крупиной не нужно было копаться в собственных мозгах, выискивая эту несуществующую информацию – с военно-морским флотом Японии она никогда не сталкивалась.

– Разве что... – она вспомнила события двухлетней давности, – банковская корпорация решила вспомнить о пропавших трех половиной миллиардах долларов. Но не слишком ли дорогим получается напоминание. Одной солярки сожгли... Прислали бы, что ли, против слабой женщины парочку ниндзя, и дело с концом.

Дело, кстати, только начиналось. От двух самых крупных судов, в которых Наталья, даже не разбираясь особо в морском деле, признала десантные корабли (коллеги, хоть и морские) отвалили совсем крошечные на их фоне суденышки, заполненные фигурками в темной одежде. Юркие десантники заполнили и пирс, и практически весь пляж – так, что Наталье было нетрудно оценить их численность.

– Сотни две, не меньше, – прикинула Мышка – при большом желании можно их всех потаскать по зарослям, поугатать, а может и... – две сотни трупов Наталье на острове не были нужны; к тому же они могли создать дополнительные сложности в общении с Морскими силами самообороны Японии – вспомнила наконец Мышка, как теперь подданные микадо стыдливо называют бывший императорский флот, – к тому же эти мальчишки ни в чем не виноваты... пока. Да и что потом помешает япошкам забросать остров снарядами – тут никакое мастерство не поможет.

Крупина нахмурилась – далеко внизу раздался очень громкий и возмущенный женский крик. Из хижины, где обитало многочисленное семейство Люды (так аборигенку обозвала практичная Кочергина), которая была главной по части чистоты и удобств в большом бунгало Натальи, выскочила она сама. Да не одна, а в сопровождении двух десантников, чьи совсем некрупные тушки болтались по бокам огромной и громкоголосой Люды, как куклы. К ним тут же подскочили еще двое солдатиков, на которых тут же переключился гнев женщины необъятных размеров. Но это был, пожалуй, единственный эксцесс. Не считая, конечно, глобального – так же бесцеремонно тащили к лодкам и остальных жителей райского острова. Заметь сейчас Наталья хоть один случай явного насилия и все для десанта могло кончиться

очень печально. Но нет – и женщины, и дети; даже могучий веселый садовник Маурилио, которого Лидия называла просто Васькой, послушно уселся в одну из лодок, которые увезли и его и все население острова на корабли.

Но последнего Наталья, одобрявшая на расстоянии такое поведение подданных лишь коротким кивком, уже не видела. Она опять скользила вниз, навстречу немногочисленным морским пехотинцам, которые миновали крошечную деревушку, не обратив на нее никакого внимания. В руках они держали какие-то приборы, а значит могли обладать какой-то информацией, нужно хозяйке острова.

Солдатик, на бравого десантника никак не тянувший, отошел достаточно далеко от сотоварищей. Силу, что буквально смяла его, а потом утащила в кусты, он так и не заметил – даже когда очнулся от кратковременного забытья. Очнулся же он, лежа на траве лицом вниз. При чем голову он при всем желании поднять не мог. Потому что на затылок, с которого та же сила содрала и выбросила в неизвестном направлении форменную кепку, давила к траве крепкая рука. Она очевидно уловила, что солдатик очнулся и надавила вниз теперь с такой силой, что японец, попытавшийся было забарахтаться в попытке освободиться, тут же замер. Он считал долгие секунды, каждая из которых превращала воздух в легких в непригодную для дыхания смесь. Наконец, когда в висках застучали уже не молотки, а кувалды, а тело парнишки в форме было готово само задергаться в руках противника, нажим на затылок ослабел и вытаращивший глаза солдатик шумно глотнул свежего воздуха.

На смену давлению руки пришло еще более страшное – теперь уже голоса; шипящего и обещавшего немислимые страдания. Солдатику было совсем ни до непонятого акцента в японском языке, на котором страшный враг задавал свои вопросы, ни до самой сути этих вопросов. Он сейчас был заполнен одним желанием – отвечать на эти вопросы молниеносно и исключительно правдиво. Потому что первый же ответ, в котором он попытался неловко лукавить, был пресечен быстро и беспощадно. Бритая голова японца опять ткнулась в сильно пахнущую чем-то неуловимо знакомым траву, а что-то холодное и острое вспорол штанину – прямо в самом уязвимом месте. Потом это холодное ткнуло в плоть и там, между ногами, стало тепло. А сам солдатик едва не дернулся руками к паху, чтобы остановить поток крови.

– Не бойся, – успокоил его свистящий как у змеи голос, – кровью не истечешь... если будешь говорить правду...

И морячок старался, выкладывал все, что знал и о чем только догадывался.

– Увы, – нажала наконец Наталья в нужную точку на шею противника, погрузив того в долгий, но не бесконечный сон, – ничего путного ты мне, дорогой, не сказал. Но живи, раз обещала.

Через пару минут на тропе, по которой совсем недавно передвигался этот солдатик, любой желающий мог прочесть картину несчастного случая.

– Производственная травма, – улыбнулась Крупина, оглядывая дело собственных рук.

Картина трактовала однозначно – солдатик шел, не оглядываясь по сторонам и поигрывая в руках собственным ножиком (штыком – если быть точнее); под ноги он, естественно, не смотрел, отчего и поплатился – падением в небольшой овражек. Сразу после того, как наступил на гнилой сук, который под корой таил опасную скользкую древесину.

– Результат, – подвела итог Наталья, – разбитая голова, которая не скоро позволит парню прийти в сознание (голова тут же аккуратно стала разбитой); ножик, который вспорол доверенное воинское имущество – штаны – и едва не оставил защитника японского отечества без будущих наследников...

Неслышной и невидимой тенью Мышка опять метнулась к вершине – туда, где можно было обдумать и оценить немногие сведения, что дал допрос, а заодно и понаблюдать – чем все-таки закончится лихая атака японского десанта на остров.

– Итак, – подвела первые итоги подполковник Крупина, – лично ко мне этот «визит» отношения не имеет. Если только японскому правительству, а может военно-морскому начальству не приглянулся мой остров. Так приглянулся, что были прерваны, а точнее перенесены в чужие территориальные воды учения целой военной эскадры. И что-то очень важное должно здесь скоро случиться. Настолько важное, что надо было изолировать свидетелей и напичкавать поверхность приборами, назначения которых не знает ни солдатик, ни, соответственно, я. Может вулкан тут должен проснуться? Или землетрясение в кои-то веки предсказали.

Еще раз окинув взглядом застывшие в километре от нее корабли, к самому крупному из которых как раз причаливало последнее суденышко, она – неожиданно даже для себя – попробовала уйти чувствами вниз, в каменную толщу своего острова. И ей показалось (показалось ли?!) что каменная твердь ответила. Вернее откликнулась долгим тоскливым стоном. Скорее всего это было предчувствие самой Мышки, которая замерла на своей вершине, не видная для наблюдателей с эскадры, за мгновение до того, как остров действительно содрогнулся от дальнего, практически неразличимого удара. Затем последовал второй, чуть более сильный – с той же стороны, что первый. А потом удары последовали один за другим, меняя интенсивность и частоту. Крупной, закрывшей на мгновение глаза, показалось вдруг, что она вернулась в далекое детдомовское детство, во двор спецдетдома, где стояла скрипучая карусель и где ребятишки самозабвенно мучили ее – с ранней весны до поздней осени.

Камень внутри горы уже не стонал, а скрипел – словно какая-то беспредельная сила крушила его там, стирая в пыль базальтовые пласты. А еще – Наталья вдруг поняла, что круговой обзор отсюда пусть на какой-то гран, но стал получше – будто гора выросла. К Мышке пришло понимание, что именно сейчас начался катаклизм, за которым жадно следили и моряки под флагами страны Восходящего солнца, и неведомые приборы, которыми напичкали ее остров, и... она сама, оказавшаяся в эпицентре трагедии.

– Пока еще не трагедии – пробормотала она, вставая в полный рост – но еще чуть-чуть и может быть поздно.

Наталья была уверена – сейчас ее загорелую фигурку, застывшую словно памятник собственному острову, разглядывают в десятки, а может быть в сотни морских биноклей и других подручных средств. Она могла бы сейчас на потеху невольной публике крутануть со скалы целый каскад сальто – знай наших! Но своему главному правилу – все должно быть не эффективным, а максимально эффективным, не изменила и сейчас. Задача была одна – прыгнуть вниз, не разбившись о твердую поверхность, в которую превращается вода на расстоянии сорока метров; не сломать ни спину, ни всего остального.

– Потому что отпуск кончился, – мелькнула мысль – в тот самый момент, когда вытянутое стрункой тело без единого плеска вонзило в морскую воду, – начинается операция «Тектоническое оружие»!

Ничем иным Наталья не могла объяснить тот феномен, что рос у нее за спиной и от которого она гребла – мощно и внешне неторопливо. Так она могла махать руками часами. Но сейчас этого не требовалось. Нужно было лишь добраться до той невидимой трассы на морской поверхности, по которой нарезала круги вокруг острова подводная лодка. Она одна сейчас передвигалась вдоль гигантской окружности, составленной из замерших перед картиной невиданного прежде никем катаклизма кораблей. Именно ее выбрала Мышка своей целью. И потому, что она (лодка) первой появилась тут, а значит, кто-то из экипажа мог знать больше того солдата; и в виду ее явно исключительности – хотя бы той, что обеспечивала ее непрерывное скольжение по глади моря в надводном положении. И, наконец, главное – на той лодке скорее всего был самый маленький экипаж из собравшихся судов.

– Ну сколько там моряков-подводников? – подумала она, мощно выгребая руками и не забывая с каждым гребком оглядываться назад, на уже неузнаваемо изменившийся остров, – сотня, не больше. На один зуб Мышке...

Остров тем временем превращался в каменный гриб – совсем так же, как тонны грунта, оторванные от земли ядерным взрывом; только в сотни и тысячи раз медленней. Наталья наконец словно наткнулась на невидимую преграду – именно здесь, как определило ее чутье, проходил фарватер подлодки. А скоро она и сама появилась, теряя – как и надеялась Крупина – ход. Теперь кроме своего мастерства пловчихи – Наталья надеялась, что ее рекордного результата никто не оценил – надо было напрягать и сценический талант. Перед бравыми японскими моряками она желала предстать жалкой и беззащитной. Но – женщиной вполне себе ничего, которую можно подсушить и обогреть, а потом пожелать уединиться в укромном местечке – там, где русско-японской парочке никто не будет мешать.

Первый пункт – насчет слабой и беззащитной девушки – начал исполняться сразу же. Наталья повисла на толстом канате, что скинули ей с палубы подводной лодки, словно кукла с безвольно повисшей головой. Но кукла, вцепившаяся в канат так, что моряки, выдернувшие ее из воды, словно огромную рыбину, едва разжали ей руки. Хотя у Мышки и промелькнула шальная мысль – взлететь по канату подобно той самой мысли и ошеломить японцев уже с первым шагом на судне. От этого – ошеломить противника – она не оказалась, но потом; все потом. А пока ладони, едва отпустив жесткий, но все же чуть сминаемый канат, вцепились в толстый стальной поручень или леер, как его называли моряки – если верить книжкам.

Уже здесь, на борту, Наталья первой уловила момент, когда многотонная громадина, изображавшая из себя гриб неправильной формы, не выдержала той чудовищной массы, что кренила ее в одну сторону. С последним возмущенным стоном столб, который уже поднялся над волнами метров на тридцать, переломился у самого основания и полетел вниз, в теплую воду моря Сулавеси. Выглядело это не очень грозно и опасно; а вот волна, помчавшаяся от места падения во все стороны, бед натворить успела. Подводную лодку, которую командир судна (подчиненные называли его капитаном Мацумото), с вполне понятной нежностью и почтением именовал «Касудо», лишь подбросило на несколько мгновений выше застывшего рядом корабля с вертолетами, выстроившимися на борту. Вертолетоносец тут же повторил маневр, показав часть не такого чистого, как надводная половина, борта, обычно скрытого под водой. Назад этот красавец-корабль ухнул не так удачно. Что-то или кто-то допустил ошибку, закрепляя винтокрылые машины на палубе. Железный стон, или треск, был не сравним с каменным, но заставил японских моряков кругом вскричать много громче и горестней. Два вертолета поочередно, с громким плеском, перевалили через борт, и исчезли в пучине – как раз между двумя волнами, которые катаклизм продолжал гнать к эскадре, и дальше. Волны эти были все мельче, а амплитуда, с которой подпрыгивал на ходу подводный боевой корабль, все больше – пока наконец море в том месте, где совсем недавно радовал глаз своей сочной зеленью остров Зеленой лагуны, не успокоилось.

Теперь очередь дошла и до Натальи, точнее до второй части ее плана. Ее обсохшая на жарком солнце фигура уже не была жалкой. Не отпуская правой ладонью леера, Крупина поправила короткие пряди на голове левой, а потом провела ею же по телу – словно страшивая с себя весь тот негатив, что не мог не прилипнуть к беззащитной жертве катаклизма.

Командир, шагнувший уже к ней, запнулся на мгновение и шумно сглотнул – будто подавился слюной, от этой соблазнительной картинке. А потом ощерился лицом, словно наткнулся на красивую, но очень опасную гадину и спросил – к удивлению Натальи – на корявом русском языке:

– Русская?

Наталья, прежде чем ответить, ругнулась на себя – это она сама невольно выдала себя, обрадовавшись громче, чем следовало, картинке падавших в море вертолетов. Но эта ошибка была поправимой; по крайней мере так думала сама Крупина. Она выпалила – поначалу грустно, а потом со все возрастающим гневом в голосе:

– Теперь уже нет. Не русская. Гражданка Израиля Ирина Рувимчик.

Ответного представления она не дождалась, и дала свободу уже совсем неприкрытой ярости:

– И кто мне ответит за то безобразие, капитан? Или ваше государство наплевало на право частной собственности. А жители... Где мои люди?

Все это она выпалила на английском языке, с первых слов убедившись, что капитан прекрасно понимает ее. Но ответить опять не соизволил.

– А скорее, – с изрядной долей недовольства подумала она, – он и сам не знает ответа на эти вопросы. Или...

Капитан не дал додумать. Он резким окриком заставил застыть перед ним моряка – кряжистого, с длинными узловатыми руками, которые словно сами готовы уже были схватить пленницу. Командир лодки это стремление подтвердил:

– Сатэ, тащи ее вниз, в мою каюту.

Эту команду он произнес на родном языке и Наталья искренне поблагодарила полковника Сазонова и других, безвестных для нее составителей учебной программы подмосковной базы, в перечне занятий которых числился и японский язык. Конечно обмануть коренного японца, выдать себя за жительницу островов страны Восходящего солнца ей вряд ли удалось бы. Но сейчас возможность понимать врага – а именно так теперь воспринимала моряков Наталья – многого стоила. Тем более, что японцы об этом не подозревали. И сейчас капитан грубо, теперь уже на английском, велел ей, совершенно не заботясь о том, что первую часть фразы, обращенной к своему ординарцу, она скорее всего не поняла.

– А ты иди там тихо, как мышка – пока я не приду.

– Есть, мой капитан! – козырнула она, естественно мысленно, – Серая Мышка будет ждать тебя. С нетерпением!

Однако в каюте – чуть более просторной, чем остальные в тесном корпусе лодки, ей пришлось ждать не меньше часа. Подводная лодка стала шуметь чуть иначе, и Мышка поняла, что судно поменяло и курс и скорость. Теперь она мчалась по-прежнему в надводном положении, но уже по прямой, выжимая все, что могли выдать дизели.

– Куда-то спешим, – поняла Крупина, успевшая обследовать и саму каюту и небольшой сейф, который прятался под столиком.

Еще здесь была кровать – настоящая, а не подвесная, как можно было ожидать – опять-таки судя по книжкам. Наталья даже невольно пожалела капитана. Она сама привыкла за последние годы к роскошным ломам, на которых лежать можно было одинаково удобно и просторно что вдоль, что поперек. А эта если и могла вместить двоих, то...

– Что-то ты слишком игривая сегодня, – оборвала себя Крупина, – никто тут сегодня вдвоем лежать не собирается. Если сам капитан и полежит, то не думаю, что это доставит ему много удовольствия.

Она перешла к содержимому сейфа, который открыла какой-то имитацией древнего японского ножа – вычурного и совершенно непригодного для резания глоток и втыкания меж ребер врага. А вот сейф этим ножиком Наталья открыла за полминуты; и даже почти не поцарапала лезвие. Ни документы, ни пистолет в кожаной кобуре, ни деньги – большей частью в иенах и совсем небольшая пачка долларов – ясности в этот необычный рейд подводной лодки не внес. А вот ящичек рядом с кроватью порадовал. В нем Наталья обнаружила несколько смен белья и форменного обмундирования, одна из которых – рабочая, а потому почти не отличавшаяся от той, в которой щеголял весь экипаж, тут же примерила. В плечах роба подводника была широковатой, а в остальном...

Мацумото едва не вскричал: «Что ты здесь делаешь, мерзавец?», – приняв ее за подчиненного. В следующее мгновение он узнал ее и раздвинул губы в хищной улыбке, не сообразив поначалу, что надо проявить командирский гнев – по поводу того, что гостя, которую он конечно же принимал в каком-то ином качестве, успела пошарить в его шкафу и... Тут его

взгляд остановился на краешке дверцы сейфа, торчащей из-под столика, и командир подлодки переполнился гневом. Ему бы сейчас задать себе вопрос: «А что это за умелица такая, на раз открывающая не самый простой замок стального ящика?». А он лишь успел подумать – это явно читалось на обычно невозмутимом лице:

– В общем-то мне совершенно безразлично – будет на твоей еврейской физиономии один фингал или два...

Он даже успел поднять руку для пощечины, которую явно испуганная женщина готова была принять с закрытыми глазами. Но до удара дело не дошло – пока. Потому что раньше раздался робкий стук в дверь, к которой капитан и повернулся с недовольным лицом.

– Радиogramма, господин капитан, – перед открывшейся совсем не широко дверью стоял судовой радист, не смеявший даже косить глаза в дверной проем, – от флагмана...

Мацумото выдернул листок из руки моряка и впился взглядом в несколько строчек. Потом кивком отпустил радиста; очевидно ответ не требовался. Дверь опять захлопнулась – почти без стука – и капитан, больше для себя, нежели для пленницы сообщил:

– Ну вот, у нас не больше часа. Потом мы догоним флагман и ты перейдешь на него – к своим любимым дикарям. А пока не будем терять времени, крошка.

«Крошка» ответила ему – на чистейшем, без всякого, русского или еврейского, акцента, японском языке:

– Не будем, – и шагнула вперед.

Час времени – это много, это очень много для мастера единоборств. А таких мастеров в каюте было два. И первый – Мацумото, немного насторожившийся – навес все-таки хлесткий удар, целя теперь по дерзким губам. Губы своей иронической улыбки не смахнули. Более того – эта улыбка стала еще шире; она словно провоцировала: «Давай, попробуй еще раз. Только другой рукой». Потому что правая, которой капитан попытался стереть эту ухмылку, цели не достигла; она повисла безжизненной плетью, заполнив половину тела огнем боли. Вторая рука сделала обманное движение, а вперед устремилась, уже совершенно безжалостно, убийственно, правая нога. Никаких: «Кийя!», – в тесной каюте не прозвучало. Мышка, словно нехотя уклоняясь от вытянутой вперед конечности противника, – успела подумать:

– Настырный какой!

В то же мгновение нога как-то надломилась; но не сломалась – она пока нужна была Наталье целой. Теперь Мацумото обожгло нестерпимой болью полностью – от кончика пальцев на ноге, которой он не мог пошевелить, до короткого ежика волос, что тоже пылали невидимым огнем. Об этом – что можно ощущать, как нестерпимо ноют собственные волосы – не говорил даже старый мастер, учивший капитана боевому мастерству и который на вопрос: «Какого же дана достиг почтенный сэнсей?», – лишь таинственно усмехнулся, а потом, скромно потупившись, изрек очередную мудрость:

– Нет предела совершенству...

Сейчас Мацумото вдруг понял, точнее прочувствовал всем нутром, которое тоже пылало незримым пламенем, что женщина, опять улыбнувшаяся ему совсем не грозно, ближе всех, кого он знал, подошла к этому самому совершенству. А может и достигла его.

Восьмой дан по каратэ-до не помог. Мацумото очнулся уже на собственной кровати. Перед глазами чуть качалось вместе с подлодкой лицо израильтянки, выражавшее лишь спокойное ожидание. Наталья удовлетворенно кивнула – именно в это мгновение капитан и должен был открыть глаза. Его первый порыв тоже был вполне ожидаемым. Мацумото, который теперь не должен был ощущать никакой боли, а лишь необыкновенную легкость в теле, попытался вскочить на ноги, чтобы еще раз обрушить на дерзкую удар, способный снести на пол соперника втрое... Нет – вчетверо крупнее хрупкой израильтянки. Наталья лишь вздохнула. О восьмом дане она ничего не знала, но должен же был этот японец – вполне адекватный на вид – хоть немного понимать, что соперница ему не по зубам. Поэтому ей пришлось теперь

пробежаться по нескольким узловым точкам мужского тела – быстро и почти невесомо – как по клавишам фортепиано. Но эффект можно было сравнить с самой грозной из опер – той, где поется о грешниках и муках, что они испытывают в аду. Прежний огонь, что недолго тек в жилах капитана, был ужасным, но вполне терпимым, земным.

Этот же, адский, превзошел все ожидания. Морской офицер сил японской самообороны теперь желал лишь одного – отвечать и отвечать на вопросы скупой улыбающейся ему женщины.

Улов и на тот раз был совсем небогатым. Капитан Мацумото о катаклизме, что лишил Крупину ее острова, узнал одновременно с ней – на палубе подводной лодки «Касудо». О том, что за сила вызвала эту катастрофу и даже о том, кто мог отдать приказ начать эту операцию, он не знал.

– Но большие, очень большие люди, с самого верха, – капитан поднял глаза к потолку, что для него было сделать совсем просто – он и так лежал лицом кверху, – такие люди, что могли остановить плановые учения сил самообороны... А это, знаете ли, даже императору вряд ли бы удалось.

– И кто может знать, откуда пришел такой приказ?

Мацумото попытался пожать плечами, но тело сейчас могло двигаться только в одном месте – том самом, откуда на Ирину Рувимчик исходили торопливые ответы капитана. Рот опять открылся даже без уточняющего вопроса:

– А командование наше сидит на центральной базе Йокосука.

Крупина невольно улыбнулась самым краешком губ, и все-таки задала вопрос:

– И когда твоя лодка попадет на эту самую... которая Йоко?

– Не скоро, – теперь капитан плечами пожимать не пытался, – сейчас мы держим курс на район учений – недалеко от Северных территорий. Недели три там пробудем, если не потушит новая вводная наподобие этой.

Теперь капитан хотел дернуть шеей – в направлении, противоположном движению лодки, а значит туда, где в море покоились каменные осколки острова Зеленой лагуны. Наталья поняла его и без этого кивка, тоже не удавшегося.

– Северные территории, – повторила она мысленно, – звучит конечно намного благозвучней, чем Йокосука, да и до России там рукой подать. Так что в следующий раз посмотрим, как японская подводная лодка разбивается о камни... Скажем, Итурупа. А сейчас мне надо именно в эту самую Йокосуку. И по большому счету мне все равно, какой корабль меня туда доставит. И кто «представит» командованию базы. Дело за малым – как сделать так, чтобы корабль повернул к базе. Нет – сначала надо выбрать корабль.

Вариантов было немного – подводная лодка или флагман. Наталья опять чуть улыбнулась хозяину каюты:

– Я не жадная, путь идут оба.

Через пять минут командир подлодки приказал замедлить ход. До флагмана было совсем недалеко, но капитану зачем-то приспичило подняться на поверхность. Его сопровождал лишь один матрос. Вахтенный офицер так и не смог узнать его – очень уж ловко и вовремя отвернул свое лицо этот низенький морячок. Впрочем, в экипаже подводной лодки таких было большинство. Гораздо сильнее удивился офицер, когда командир протиснулся внутрь корпуса один – мокрый и какой-то задумчивый. Естественно, что никаких вопросов офицер Мацумото задавать не стал. А сам капитан что-то рассказывать не считал нужным.

Мацумото беспрекословно выполнил все приказы израильянки. Заставил старшего офицера, который нес вахту в рубке, замедлить ход лодки, а потом провел Наталью наружу – под ласковый ветерок, который в этот вечерний час не обжигал, а приятно охлаждал кожу.

– Тут мы с тобой и простимся, Мацумото, – почти лаково пропела за спиной капитана Мышка, – передавай привет базе.

– Какой? – круто повернулся к ней капитан.

На палубе никого не было. Лишь громко плеснула волна, окатив Мацумото с ног до головы. И еще ему показалось, что там – под волной – мелькнула тень, от которой с плеском пришел ответ:

– Йокосука...

Глава 3. Море Сулавеси – база Йокосука Адмирал Катсу Ямато, командующий эскадрой

Для пятидесятилетнего адмирала, круто взлетевшего вверх по служебной лестнице, вопиющее безобразие, каким ему представлялась отмена учений на самой ответственной его фазе – массированном десанте разу на четыре безлюдных острова, оказалось провозвестником куда более крупных неприятностей. Острова были расположены так удачно, что имитация триумфального возвращения Северных территорий в лоно Империи была почти полной. Увы – не случилось. Нелепый, если не сказать преступный приказ начальника базы, который одновременно являлся и заместителем командующего Морских сил самообороны Японии, сорвал учения, когда уже был отдан приказ поднимать в небо вертолеты.

Вместо этого его эскадре пришлось не имитировать, а реально оккупировать остров чужого государства – пусть совсем ненадолго. А потом еще и захватить в плен немногих его обитателей. Потом пришла радиограмма от приятеля в Центральном штабе, который поделился вестью о том, что на самом деле операция эта самая что ни на есть боевая, и что доверили ее лучшему адмиралу флота.

На последнюю строчку Ямато хмыкнул, а потом все-таки расправил плечи. А уж после того, как какой-то невероятный катаклизм – рукотворный, судя по тому, что его эскадра оказалась в нужном месте в нужный час – буквально погреб под бездушными волнами целый остров, адмирал понял, что у его страны появилось новое оружие.

– Тектоническое, – тут же дал ему название Ямато.

Он невольно содрогнулся, представив себе ужасающие последствия применения этого оружия. Даже прикрыл глаза, и тут же широко распахнул их – потому что в голове словно кто-то включил ролик, подобный только что увиденному «кино». Только теперь крутился вокруг зримой оси и стремительно рос, обнажая тонкую, такую хрупкую каменную ножку, другой остров, не сравнимый величиной с только что погибшим. Перед глазами кружил и готов был рухнуть в пучину Хонсю – родной остров адмирала. Там – адмирал открыл глаза и повернулся к востоку – была база флота; а главное – там был дом, в котором моряка ждала жена, престарелый отец, дети, внуки...

– Нет, – адмирал никогда не был пацифистом и становиться им не собирался, – это ведь наше оружие. Значит, кружиться и падать в море будут другие острова. Какие?

Теперь перед глазами почему-то возникло видение Московского Кремля; Ямато недавно видел его воочию, в составе делегации сил самообороны. О том, что от этих древних башен до ближайшего моря...

– Господин адмирал, – вытянулся рядом дежурный офицер, – радиограмма из штаба.

Катсу кивнул и взял в руки клочок бумажки. Точнее это был лист стандартного формата, на котором распечатали всего несколько строк. В них буднично и лаконично сообщалось, что ему надлежит обеспечить доставку на базу всех пленных, что были захвачены в ходе операции.

– Пленных!?! – не поверил собственным глазам адмирал, – эту кучку жалких дикарей?

Его взгляд вернулся на строки и зацепился за один иероглиф, выделенный толстым шрифтом.

– Всех! – прошептал он, – что бы это значило? Что могут знать эти аборигены кроме той картинки, где их родной остров рассыпался на куски и исчез в океане.

Рядом кашлянул дежурный офицер. Ямато взгляделся в его лицо, явно смущенное и кивнул: «Говори!». Смущение, как оказалось, было вызвано тем, то офицер успел сунуть свой приплюснутый нос в радиограмму. И теперь доложил, скрыв за бесстрастным выражением лица то само смущение:

– Одного, точнее одной аборигенки на флагмане нет, господин адмирал.

– Одним больше, одним меньше – какая разница, – мысленно пожал плечами командующий; вслух же он спросил, – и где же этот... или эта аборигенка?

– На «Касудо», господин адмирал. Капитан Мацумото подобрал ее в открытом море.

Офицер мог рассказать начальству о той красочной, фееричной картине, которую пропустил адмирал; о бесстрашной красавице, что сиганула с высокого обрыва за несколько минут до катастрофы и досталась призом этому выскочке Мацумото. Про «красавицу» он не придумал – слухи по кораблям, несмотря на мили морского пространства, разделявшие их, разносились на удивление быстро. Адмирал об этом тоже знал – сам служил когда-то и младшим офицером и командиром кораблей, начиная с самых мелких. Но эта вот новость его почему-то взбесила. Никакой враждебности к командиру подводной лодки он особо не испытывал – где он и где капитан Мацумото! Но что-то засвербело в душе; что-то настойчиво стало внушать, что задание, обернувшееся триумфом японской военной мысли, им, адмиралом, выполнено не полностью.

– Прикажите перейти на самый малый, капитан, – отвернулся он от вахтенного офицера, – и дайте радиограмму на «Касудо». Пусть догоняет.

А потом, когда офицер поспешно ушел, недовольно подумал:

– И пусть только Мацумото опоздает!

Капитан Мацумото не опоздал. Больше того – он пришел на двадцать минут раньше намеченного времени. И пришел так, что и адмирал и командир подводной лодки запомнили это до конца жизни.

Мацумото весь этот короткий рейд мучительно решал – что ему доложить о пропавшей пленнице. Он даже неожиданно для себя обиделся на Наталью; она же для всех Ирина Рувимчик.

– Могла бы и подсказать, – тоскливо подумал он, – или приказать. Я бы все передал адмиралу. А теперь что? Какая-то баба скрутила меня, чемпиона флота по каратэ, а потом улизнула; испарилась с подводной лодки, словно бесплотный дух. А впрочем (выпрямился он), кто видел меня лежащим беспомощно на кровати; кто был свидетелем того как, эта Рувимчик прыгнула в море за сотню миль от ближайшего берега?

До его чуть затуманенного последними событиями мозга только что дошла простая мысль: «А зачем, собственно, эта Рувимчик прыгнула в море? Или там ее ждала другая подлодка – израильская или, к примеру, российская?». Он тряхнул головой, прогоняя остатки тумана, и горько усмехнулся:

– Я теперь уже ничему не удивлюсь...

Удивиться пришлось. В дверь каюты опять постучали; за пару минут до того, как он сам собирался покинуть ее. Капитана подводной лодки ждал флагман и командующий эскадрой, и место капитана было если не на палубе, то в рубке корабля. По поводу рубки и выпалил ему прямо в лицо молоденький лейтенант, запыхавшийся так, словно пробежал по короткому коридору лодки раз сто, не меньше.

– Господин капитан, – прокричал он, наконец отдышавшись – старший офицер заперся в рубке и не открывает дверь!

– Вот как? – почему-то не удивился Мацумото, – и зачем он это сделал?

Взгляд молоденького офицера, для которого этот поход был первым, стал изумленным и каким-то отчаянным. Он словно вопрошал безмолвно:

– Да откуда же мне знать? Он же заперся!!!

– Один? – вслух отреагировал на этот крик души по-прежнему спокойный командир.

– Нет, господин капитан, – еще сильнее побледнел лейтенант, – с ним два вахтенных матроса и командир боевой части.

– Понятно, – кивнул Мацумото, испугавший молодого офицера еще сильнее своим спокойствием, если не равнодушием, – приказываю всему экипажу подняться на палубу – для встречи с флагманом.

Офицер унесся по коридору, даже не успев задать ему вопрос: «Какая встреча – половина второго ночи?». А капитан вернулся в каюту; через пару минут он вышел в коридор уже в парадном кителе, с кортиком у бедра. В свете тусклых ламп блестели, словно только что начищенные, ордена и медали. Но еще сильнее сверкали его глаза. Мацумото уже понял, кто командует сейчас в рубке; кто заставляет послушно повиноваться и старшего офицера, и командира боевой части и весь подводный корабль, который он, командир, уже не считал своим.

Оставался вопрос – рискнет ли эта страшная женщина, противостоять которой у капитана не было ни сил, ни желания, дать торпедный залп по флагману. Других целей поблизости не было; по крайней мере Мацумото о них не было известно. И – вот парадокс – он сейчас не осуждал Ирину Рувимчик. Не оправдывал за месть женщину, потерявшую дом по вине японского флота (а точнее кого-то неизвестного, придумавшего способ уничтожить одним махом целый остров). Капитан сейчас просто машинально выполнял нехитрые действия, что ему диктовала ситуация. На палубе выстроился весь экипаж – все шестьдесят семь моряков, считая самого командира Мацумото, который прошел вдоль длинной шеренги, вполголоса пересчитывая подчиненных. И только вставая в общий строй, правофланговым, он задал себе вопрос, обжегший сердце:

– А почему шестьдесят семь? Должно ведь быть на одного меньше!

Но пробежаться по длинному ряду и взглядеться в лица, одно из которых могло отличаться широким разрезом глаз и более длинным носом, он не успел. «Касудо» так и не произвел торпедного залпа; обманул самые страшные ожидания командира. Зато нацелил во флагмана свой острый стальной нос.

– Безумная! – успел подумать Мацумото, поворачиваясь налево – вперед по ходу лодки.

Он оказался ближе всех к темно-серому борту флагмана, который вдруг вырос до небес. Какая-то сила подняла капитана, словно пушинку и швырнула на этот борт. Он еще успел услышать и жуткие крики за спиной и сверху, где бодрствующая смена эскадренного миноносца в ужасе отбегала от этого борта, а потом и рвущий душу скрежет сминаемого и рвущегося металла. Его голова даже повернулась назад, чтобы командир в последний раз мог увидеть свой корабль. Показалось ему или нет, но в проеме, который так и не закрыла крышка наружного люка, показалась голова старшего офицера. Наконец его тело, летящее практически в том же положении, как он стоял во главе колонны своих подчиненных, впечатало в борт, уже покрывшийся невидимыми глазу волнами и лохмотьями содранной шаровой краски. Ласкового прикосновения теплой океанской воды он уже не почувствовал...

Адмирал Ямато это столкновение встретил в постели. Мимолетное желание – самому встретить пленницу и посмотреть в глаза капитану Мацумото – он подавил быстро и жестко. На флагмане все подчинялось раз и навсегда заведенному распорядку. По этому распорядку сам Ямато должен был спать до шести ноль-ноль. Но не спал; перед глазами возникали все новые и новые картинки, где центры мировой цивилизации вырастали гигантскими грибами и опадали мельчайшей пылью. А еще он ворочался в предчувствии неприятностей. Хотя что могло угрожать флагману второго в мире по силе флота? Флота, доказавшего свою храбрость в Цусиме и Перл-Харборе и уничтоженного практически полностью после войны, проигранной в сорок пятом году. Он наконец уснул к середине ночи; и почти сразу же оказался на полу – несмотря на то, что его кровать была вдвое шире той, что тонула сейчас вместе с каютой капитана Мацумото.

На палубу адмирал выскочил полностью одетым – показаться перед офицерами и нижними чинами он не согласился бы, даже если бы началась ядерная война.

– Или та, о которой я думал вчера вечером – тектоническая.

Картина, что открылась его глазам, действительно на первый взгляд показывала, что на них напал враг – беспощадный и безжалостный.

На самом деле перед его глазами предстала картина вопиющей халатности и разгильдяйства – в левый борт флагмана, ближе к корме, врезалась подводная лодка. Та самая, ради которой эскадренный миноносец замедлил, а потом и совсем прекратил ход. Теперь она – лодка – медленно погружалась в воду, грозя утащить за собой моряков, барахтающихся в бурлящих волнах. Некоторые, впрочем, уже карабкались по канатам, сброшенным сверху моряками «Ямагири» – такое гордое имя было присвоено флагману. Ямато в спасательную операцию не вмешивался – по тому самому распоряжку, что он твердой рукой насаждал на корабле. Даже в такой, казалось невообразимой, ситуации, каждый знал свое место. Адмирал знал и то, что сейчас в лазарете уже готовы к приему раненых врачи и операционные; что специальная команда обследует тот участок борта, куда врезалась подлодка и что не далее, чем через пятнадцать минут к нему с докладом подбежит Гора Такура – капитан флагманского корабля.

Такура уложился в четырнадцать минут. И этот срок он посчитал для себя слишком большим – о чем и доложил, почтительно поклонившись адмиралу.

– Жертв много? – задал первый вопрос адмирал.

Такура замялся, а потом решительно помотал головой:

– Нет, господин адмирал, даже..., – морской офицер позволил ее улыбнуться, – поначалу насчитали семьдесят одного спасенного.

– Ну правильно, – не удивился Ямато, – семьдесят человек экипажа и одна пленница.

– Пленница? – озадачился командир флагмана, – никакой пленницы среди спасенных не было. Насчитали одного лишнего подводника. Потом пересчитали – оказалось ровно семьдесят.

– И все живы? – незаметно для офицера выдохнул Ямато.

Он уже предвидел и косые взгляды в штабе, и неизбежное расследование, и скорее всего, отстранение от должности. Но пока он был адмиралом, место которого было – на маневрах, где будет одной подводной лодкой меньше.

– Тектоническая война, – опять вдруг пришло в голову название, придуманное недавно, – «Касудо» – первая ее жертва.

Об острове он совершенно не подумал; забыл и о ее хозяйке – сразу же, как только Такура озвучил следующую новость, которая стоила всех остальных.

– Господин адмирал, – капитан построил физиономию, приличествующую разве что церемонии похорон близкого родственника, – «Ямагири»...

– Что «Ямагири»?! – тут же вскинулся Ямато.

– Боюсь, что нам следует взять курс на базу. Удар не прошел для корабля бесследно. Левый двигатель сорвало с места. Трещин в корпусе по предварительным оценкам нет, но я бы не рискнул находиться в открытом море даже в средний по силе шторм. Хотя... Жду команды, господин адмирал.

Такура превратился в живую статую, готовую выслушать любую команду – и тут же броситься ее выполнять. Адмирал чуть слышно скрипнул зубами. Такой исход будет бесславленным завершением его карьеры. Прибыть на базу, не выполнив задания, протаранным собственной подводной лодкой... Но другого выхода – и Ямато прекрасно то понимал – не было.

– Впрочем, есть! – он горько усмехнулся в душе, понимая, что никогда не решится на подобное – вспомнить о кодексе чести самурая; привести в исполнение клятву, что давал в молодости товарищам, юнцам – будущим морским офицерам, обещавшим ставить честь превыше всего – богатства, наград и самой жизни.

– Курс на Йокосуку, капитан, – Ямато сгорбился и совсем по-старчески зашаркал начищенными до блеска ботинками по палубе.

Это была минутная слабость. Совсем скоро из адмиральской каюты выйдет другой человек – подтянутый, собранный. Он будет делать все, что положено командующему – навестит раненых в лазарете; с непроницаемым лицом будет выслушивать ежедневные доклады капитана и флагманских офицеров. Только при ежеутреннем подъеме флага на немного изогнутый все тем же ударом флагшток ни разу не выйдет. А еще – он до самой базы не сможет побеседовать с капитаном Мацумото, который никак не приходил в сознание. Единственное, что смог доложить дежурный врач, когда адмирал наконец встал со стула, специально приставленного к больничной койке, так это об имени, которое очень редко, но шептали сухие губы беспмятного капитана.

– Ирина, – удивился адмирал, – это вроде русское имя?

Врач в свою очередь чуть пожал плечами; здесь, в лазарете, он мог позволить себе это.

А сам капитан Мацумото действительно видел в горячечном бреде лицо своей бывшей пленницы, ставшей виновницей всех его бед. Очнись капитан сейчас на несколько мгновений, он дал бы адмиралу совет – хотя тот никаких советов от проштрафившегося офицера не ждал.

– Господин адмирал, – возопил бы капитан во всю силу отшибленных легких, – ни в коем случае не приближайтесь к берегу. Не привнесите на базу, или в другое место Японии заразу, у которой есть имя – Ирина Рувимчик...

Йокосука предстала перед адмиралом и всеми моряками, что по долгу службы находились в эту минуту в рубке, на шестой день, считая от той памятной «встречи» «Ямагири» с подводной лодкой. Саму лодку флот потерял окончательно и бесповоротно. Да и сам флагман тоже – судя по тому, как мрачнело лицо капитана Такуры по мере того, как приближался берег. Ямато стоял не в самом радужном настроении. Но даже сейчас, на покалеченном флагмане, он невольно расправил плечи, на которых сегодня не горели золотом погоны парадного мундира. В свое время он очень удивился, когда узнал, что беспмятное тело капитана Мацумото выловили в полном парадном облачении. Даже кортик каким-то чудом не выскользнул из ножен. Впрочем, этому «чуду» было вполне прозаическое объяснение – надежная застежка, да еще цепочка, что хранила лишь единожды вручаемый клинок морского офицера от потери.

Адмирал и в походном кителе сейчас заполнялся гордостью при виде картины, открывающейся перед ним. Целых девятнадцать километров причальной линии, вдоль которой обычно свободно располагались не меньше трехсот крупных кораблей! Сейчас их было чуть меньше – эскадра адмирала Ямато продолжала учения, хоть и без своего командующего. А на берегу – на площади в шестьдесят квадратных километров – сухие доки, подземные склады вооружений, оружейный завод, морской музей и даже своя теплоэлектростанция мощностью больше миллиона киловатт. И конечно штаб, к которому и направлялся сейчас подраненный флагман. Не в сам штаб, естественно, а к ближайшему пирсу, где обычно и располагался эскадренный миноносец «Ямагири».

Перед адмиралом медленно открывалась сила, равной которой в этой части Мирового океана не было – чтобы там не заявляли морские стратеги Поднебесной. И Ямато искренне гордился своей причастностью к этой мощи. До сегодняшнего дня. А точнее – до этой минуты, когда капитан Такура озадаченно, а потом с нарастающим ужасом уставился на микрофон, в который только недавно выдохнул команду: «Самый малый ход!». Двигатели, которые исправно толкали многотонную тушу миноносца, даже без отключенного, сорванного с места сильным ударом левого двигателя, ничуть не изменили своего приглушенного, победного тона. Больше того – корабль сам, без всякой команды из рубки, вдруг вильнул влево, прямо в строй выстроившихся суденышек, своими размерами не сравнимых с огромным флагманом. И адмирал в этот момент, как только первый фрегат потерял кормовую часть, буквально срезанную острым носом «Ямагири», вдруг понял, почему капитан-подводник надел парадный костюм – он знал, что ведет «Касудо» в последний поход. Так же, как сейчас вел в свое последнее, крайнее плавание адмирал. Ну и капитан Такура, естественно. Последний еще что-то кричал в мик-

рофон, дергал за какие-то рычаги. А за огромным окном, ведущим на палубу, были видны фигуры матросов, мечущиеся в разных направлениях.

Ямато, мертвецки побелев лицом, беззвучно шептал, называя по памяти корабли, который сейчас его флагман безвозвратно калечил, отправляя на дно, пусть не такое глубокое здесь.

– От восьми до одиннадцати метров, – невольно вспомнил он.

А потом вздрогнул, теперь уже до самого доньшка души наполняясь отчаянием. Потому что какая-то неведомая, и очень злая сила перехватила и другой канал управления кораблем – голосовой. Мощные репродукторы, способные донести звуки команд до самого дальнего уголка базы, вдруг включились. А потом в мир, сейчас окончательно рушившийся на глазах адмирала, ворвалась песня. Это было верхом кощунства – даже хуже, как если бы моряки сейчас хором поносили в самых площадных выражениях императорскую фамилию. В машинном отделении моряки запели негласно запрещенный гимн далекой войны – русский «Варяг». Неизвестно кто перевел текст этого песенного памятника на японский язык; знание и цитирование этих слов жестоко каралось на флоте. Но их знали все! И адмирал тоже. В какой-то момент он вдруг заметил, что сам невольно подпевает нестройному хору – в тот самый момент, когда «Ямагири» наконец достиг адмиральского пирса и с грохотом, стоном ломающейся стали и камней врезался в него.

Бронированные стекла огромного панорамного окна, в которое командующий и его офицеры с ужасом наблюдали за приближающейся железобетонной преградой, непреодолимой для корабля, разлетелись в мелкие куски. Разлетелись даже раньше, чем сквозь него полетели вперед тела моряков. И впереди всех летел адмирал Ямато. Удивительно – в обычных условиях человек вряд ли смог бы преодолеть те метры, что отделяли рубку от краешка носа, сейчас уже отсутствующего. Теперь же стремительный поток воздуха вперемежку со стеклянной крошкой, частями каких-то приборов и телами подчиненных, подхватил командующего и швырнул его на жесткий бетон, выбивая из легких воздух, а из головы сознание. Адмирал Ямато прибыл для доклада вышестоящему командованию.

Глава 4. Август 1999 года. Ковров – Токио

Виктор Николаевич Будылин, он же Николаич. Мастер – золотые руки

Всю сознательную жизнь Николаич проработал на заводе имени Дегтярева. Он пришел в цех безусым юнцом, сразу после окончания ремесленного училища. Потом название училища удлинилось, стало профессионально-техническим, но продолжало ковать кадры для завода. А сам Николаич, выработав сорокалетний стаж, получил первую пенсию и вернулся в альма-матер – теперь уже мастером производственного обучения. Аудитории и производственные мастерские здесь остались практически такими же, как в годы далекого обучения самого Будылина. Разве что цвет стен, покрашенных масляной краской, изменился с ядовито-зеленого на веселенький, бежевый.

А станок, на котором когда-то пятнадцатилетний Витька впервые в жизни срезал тускло-синюю стружку с металлической болванки, все так же исправно работал. Это был замечательный, массивный токарный станок германского производства, привезенный сюда, на завод, еще по послевоенным репарациям. На этом станке Николаич разве что лезгинку не мог изобразить. А в металле – все что захочешь. Но не этим был знаменит мастер производственного обучения Будылин. Таких чудо-мастеров – токарей и фрезеровщиков – на заводе было немало. А вот у самого Будылина был талант, которому знающие его мастера искренне (а может быть и не очень искренне) завидовали. Николаич мог слушать и слышать металл; да и другие твердые материалы, которые можно было обработать, тоже. Он в буквальном смысле слова разговаривал с ними, и – как уверяли знающие люди – бездушные железяки и деревяшки отвечали ему. Больше того – подчинялись его приказам, а точнее просьбам.

Сейчас за спиной Николаича толпилась группа непривычно аккуратных и чистеньких экскурсантов. Нет – учащиеся здесь тоже старались приучать к порядку и аккуратности. Но эту группу еще выделял и узкий разрез глаз, и темная кожа лиц, сейчас очень оживленных. Это были японцы, прибывшие на завод, чтобы попробовать спасти некогда могучее мотоциклетное производство. Линейка мотоциклов у производства была достаточно длинной – начиная от всем известного «Восхода» и заканчивая трех- и четырехколесными монстрами, на которых можно было гонять по болотам, или пахать дернину. Одна беда – их никто не покупал. Как и в автомобильной промышленности, все набросились на подержанную импортную технику – недорогую, качественную и неизмеримо более комфортабельную.

Теперь эта группа менеджеров и инженеров, уже осмотревшая само производство, и наевшаяся блинов с медом и других русских деликатесов, скептически рассматривала спину Николаевича – чуть сутулую, обтянутую чистым, но давно выцветшим халатом синего цвета. Будылин как раз закончил крепить на верстаке – сразу в двух мощных тисках проржавевшую железяку, в которой уже никто не смог бы определить – частью какого механизма она когда-то была. Главным ее достоинством было то обстоятельство, что из грязно-ржавой поверхности во все стороны торчали не менее ржавые шляпки болтов. Они даже не понимающему ничего в железе человеку говорили: «Не трогайте нас – мы уже умерли; точнее срослись с железом, когда-то новым и блестящим. И резьбы у нас уже нет; и отделить нас от материнской платы можно только грубой силой, вместе с ее частью; и...».

Николаич повернулся к японцам с хитрой улыбкой. В руках у него был гаечный ключ, который он и протянул одному из гостей, безошибочно выбрав того, кто знал, что за железную штуковину ему протягивают. И пусть руки у этого гражданина с узкоглазым, чуть смущенно улыбнувшимся лицом, были девственно чистыми и несли явные следы похода к мастеру мани-

кюрных дел, Будылин сразу определил, что этот человек умеет, и даже любит возиться с железками. Нашупал, так сказать, родственную душу.

Японец не побоялся подтупить к верстаку – прямо так, в щегольском костюмчике – отвергнув и синий фартук, который ему с улыбкой протянул Будылин, и рукавицы, десяток пар которых лежал на краю верстака. Он сразу подтупил к объекту, зажатому сейчас неопрятной бесформенной грудой в тисках. И на глаз – практически не ошибившись (чем вызвал одобрительное кряканье мастера производственного обучения) – подкрутил колесико ключа так, что его плоские рифленые губы плотно обхватили шляпку самого крупного болта. Под светло-серым костюмом не было видно, как напряглись его мышцы, но результат вызвал шумное ободрение уже в рядах его соотечественников. Металл жалобно и как-то обреченно треснул, и в руках японского мастера вместе с болтом оказалась и часть платы, и гайка, за долгие годы намертво вросшая в болт. Переводчик что-то застрекотал на японском, а умелец осторожно опустил ключ на верстак с немим вопросом в глазах:

– В чем фокус? Что такого сногшибательного в этой железяке, из-за которой мы приперлись целой делегацией в это полуподвальное помещение? Здесь, кстати, не снимали фильмы ужасов?

Будылин усмехнулся; про фильм ужасов о сам не раз вспоминал, когда сводил вместе громадные составные части двух тисков, в которых сейчас был зажат объект всеобщего внимания. Он взял в руки молоток – обычный молоточек, каким столяры забивают некрупные гвозди – и по его глазам, ставшим строгими и какими-то отрешенными, японец понял, что чудо все-таки случится; именно сейчас, в его присутствии. Первый удар по самому краешку железяки был едва слышным – примерочным. Несколько следующих вызвали на лице Николаича какое-то нетерпение, и не больше. А затем молоточек вернулся назад, на одну из предыдущих точек и застучал часто и победно. Теперь менялись только сила ударов, а значит и звуков, что издавал молоток, и их частота. Лицо Будылина, который теперь стоял за верстаком, перед большей частью скучающими зрителями, недолго оставалось напряженным. Вот уголки губ дрогнули, обозначая первую улыбку. А потом это лицо осветилось улыбкой широкой; улыбкой победителя – когда шляпка болта дрогнула и на глазах изумленных – по крайней мере того самого мастера – японцев начала проворачиваться. Она крутилась в отверстии, когда-то созданном специально для него так, словно этот болт только сегодня попал в эту дырку; тем быстрее, чем шире становилась улыбка. Наконец японский мастер, не отрывавший пораженного взгляда от шляпки, вздрогнул – в тот самый момент, когда освобожденная от многолетнего «плена» гайка с негромким стуком упала на верстак, обитый по верху листом оцинкованного железа, и покатилась по нему, остановившись на самом краешке.

– Копперфильд, – выдохнул кто-то из японцев.

– Нет, – резко повернулся к нему мастер-соотечественник, – это не фокус! Это настоящее чудо. Я такого в жизни еще не видал.

Его слова послушно доносил до русских свидетелей переводчик; японец не стал просить его перевести его просьбу. Он уставился на Николаевича с таким нетерпением и восторгом, что Будылин без всяких слов понял – его просят повторить «чудо» на бис.

– Ладно, – проворчал он, и повернулся сначала все-таки к переводчику, – ты скажи им, что не всякий болт можно вот так, сходу. Некоторые упрямятся, а могут и совсем отказаться.

Скорее всего большинство японцев сейчас мысленно крутили у висков пальцами – или как у них там принято реагировать на слова совсем неопасного сумасшедшего. Но только не Юки Сасаки, человек, который уже успел схватить с верстака проржавевшую гайку-сувенир, и сейчас ожидавший следующего. Он в нетерпении кивнул – явно принимая на веру слова русского мастера о том, что бездушный металл слушает его, человека. И больше того – слушается!

И снова в мрачном, пахнувшем никогда не исчезавшей сыростью и железом помещении часто застучал молоточек. Теперь он стучал дольше и глуше – словно мастер действительно

негромко уговаривал неуступчивую пару, болт с гайкой. Второй «сувенир» Сасаки подхватил, не дав ему стукнуться о верстак. Он теперь стоял рядом с Николаичем и снимал весь процесс на миниатюрную камеру, неведомо как оказавшуюся в его руках...

А ровно через три дня этот ролик – короткий и для большинства современных зрителей откровенно скучный – с интересом смотрел глава японской корпорации. Корпорация эта занималась не только производством мотоциклов. Большая часть ее продукции поступала в распоряжение сил самообороны. Поэтому ничего удивительного не было в том, что в небольшом, максимально функциональном, но в то же время уютном зальчике, где и крутили сейчас «кино», находились два человека в военных мундирах. Один из них, с погонами, указывающими на его более важный чин и спросил первым – когда на большом экране телевизора «Сони» громко шелкнул об оцинковку шестой, и последний на ролике болт:

– Это он может делать только с металлом?

Юки Сасаки этот вопрос себе не задавал – ни сейчас, ни прежде. Вся его жизнь, а точнее – в соответствии с реалиями японского общества – работа была связана с металлом, во всех его проявлениях. Поэтому сейчас он пожал плечами; совсем по-русски, словно заразившись в далекой холодной России вредными привычками.

– Понятно, – сел на место военный, – значит, это надо будет выяснить.

Юки тоскливо подумал, что скорее всего русского самородка он никогда больше не увидит. Каково же было его удивление, когда президент компании, господин Сайто, вызвал его на следующий день и велел (по-японски – предложил) собираться в новую командировку; опять в далекий холодный Ковров. Впрочем, холодным Ковров был разве что в голове этого улыбочивого японца, ворочавшего ежедневно миллионами, а может и миллиардами долларов. На самом деле август одна тысяча девятьсот девяносто девятого года на среднерусской равнине был ничуть не холоднее, чем на Японских островах.

Юки Сасака бился над решением задачи, поставленной руководством, уже целую неделю – увы, пока безрезультатно. Виктор Николаевич Будылин в Японию ехать не хотел. Золотые горы, что нарисовал перед ним с помощью переводчика японский мастер, не помогли. Ни громадный, по сравнению с нынешним, заводским, оклад, ни еще более фантастические подъемные, ни обещание новой, благоустроенной и полностью обставленной квартиры в любой части островного государства, ни...

Сам Николаич ничего против Японии или каких других стран не имел. Он успел еще в те, советские времена, съездить по путевке в Польшу и Болгарию. Вернулся оттуда если и впечатленным, то не до такой степени, чтобы даже помыслить о том, будто он может бросить – на время или навсегда – улицы, дворы и заводы Коврова; города, где он родился, бегал несмышленным пацаном... вообще прожил всю жизнь. И в котором, как он предполагал, эта жизнь и закончится. В общем, он был совершенно доволен собственным существованием, и не собирался в нем ничего менять. Юки Сасаки, уже было отчаявшийся, мог надеяться только на случайный случай. И такой случился, правда в его отсутствие.

Николаич жил недалеко от завода, в кирпичной пятиэтажке, в двухкомнатной квартире на проспекте Ленина, которую когда-то давно получил, «отстояв» длинную и долгую очередь в местное. На жилищные условия он не жаловался; никуда из этой квартиры, в которой жил с женой, дочерью и зятем, переезжать не собирался. Прежде всего, потому, что теперь квартиры никто никому не выделял. Есть деньги в кармане, или на счете в банке – покупай и живи. У Николаича денег таких не было, и как он небезосновательно предполагал, никогда не будет.

– И не надо, – говорил он себе, когда по голове бил невидимой кувалдой очередной выверт капиталистической экономики.

А сегодня, двадцать восьмого августа, Николаича к обычному ужину ждал большой торт и необычайно раздурманенная жена Клавдия, Клашенька, как он ее обычно называл. Рядом, у стола, что сегодня был накрыт в зале (одновременно спальне Николаича с Клавдией) крути-

лась чем-то смущенная дочка, Верочка. Но новость, о которой Будылин уже догадался и которая заставляла сладко сжиматься сердце, дочь выпалила, только когда пришел со смены зять, Сережка, тоже работавший на заводе.

– Ну, хвались, – кивнула дочери Клашенька.

– А чего хвалиться? – совсем залилась румянцем молодая женщина, – в общем... скоро ты будешь дедушкой (она повернулась сначала к отцу), а ты, Сережа...

Муж ее не дослушал – подхватил Веру на руки и закружил по комнате, едва не сбив все с праздничного стола. И Николаич, как-то растерянно улыбаясь, понял, что в Японию ехать придется. Об этом он сначала сообщил Клавдии – ночью, когда за окном перестали бегать троллейбусы и автобусы, и Ковров ненадолго накрыла прохладная тишина. Клавдия почти заснула, когда Будылин негромко – чтобы не разбудить детей, сладко сопящих в соседней комнате, пусть и плотно прикрытой – сказал, словно уговаривая самого себя:

– Съезжу на полгода. А Верка с Сергеей квартиру купят... трехкомнатную. Еще и на машину останется... Даже на две. Буду тебя, Клашенька, за грибами на иномарке возить.

Жена рядом заплакала – практически беззвучно, но Николаич сразу же повернулся к ней, сгреб в объятия, чего – честно надо сказать – не делал уже давно.

– На полгода, – твердо заявил он так же в полголоса, – на больше не соглашусь.

Это решение было мудрым и своевременным. Не согласись он, не обрадуй Юки Сасаки, который примчался с самого утра, за уговоры вместо японского мастера взялся бы другой человек, вернее люди. Виктор Николаевич Будылин все равно оказался бы в Японии, пусть вопреки собственному желанию. Но в новую квартиру Сергей с Верой уже не переехали бы. А так – как оказалось, даже без ведома самого Николаича – для него был подготовлен заграничный паспорт, получена в японском посольстве виза и куплен билет на прямой рейс «Москва-Токио». Точнее, два билета – Сасаки теперь не отпускал Николаича ни на шаг. Следующей ночью, последней в Коврове, Будылин, слушая мерное дыхание Клавдии, уснувшей далеко за полночь, едва не вскочил, и не прошлепал в тапочках к входной двери. Чтобы проверить – не стоит ли там, или даже спит на коврик, свернувшись подобно собачке, его новый японский друг.

Прощание с семьей прошло на удивление быстро и буднично – словно глава дома вышел в булочную. Он конечно предполагал, что потом – когда за ним захлопнется дверь – будут и слезы, и тихий рев жены и дочери. Зять простился с ним рано утром; спешил на работу. А сейчас за дверью его ждал сияющий Юки. Он перехватил у русского мастера чемоданчик, с которым Николаич ездил когда-то в братскую тогда Польшу, и засеменял вниз, ничем не показывая изумления от такого скромного багажа.

– Впрочем, – мог подумать он; точнее подумал за него Николаич, – обещали ведь обеспечить всем необходимым. Нет, не так (это уже Будылин подумал за себя) – обещали исполнить любой каприз. Посмотрим...

Дорогу до японской столицы Николаич не запомнил. Он почти сразу – как только японская иномарка с практически неслышным двигателем и изумительно мягкой подвеской отъехала от дома – заснул; крепко, без снов. И потом, весь долгий полет, продремал, испытывая лишь одно беспокоящее чувство – как бы не опозориться там, на чужбине. О деньгах он не думал. Весьма щедрый аванс уже в ближайшие дни Вера с Клавдией (Сергей обычно выступал в роли болванчик с послушно кивающей головой) должны были истратить. А сам Будылин только вздохнул, когда вошел во двор роскошного (на его взгляд) особняка совсем недалеко от Токио. Это был двухэтажный дом в старинном стиле с уютным, ухоженным участком, где нашлось место и приветливо журчащему фонтанчику, и сотням каких-то невиданных никогда, но очень красивых и издающих тонкие ароматы растений, что росли и отдельно, и группами, и плелись вокруг маленькой беседки, превратив ее в затененный загадочный зеленый грот.

Николаич огляделся, но камней – знаменитого сада из булыжников – нигде не заметил. Зато увидел японку, что выплыла из дома в национальной одежде, явно сковывающей движе-

ния. Она низко поклонилась гостям, один из которых должен был стать хозяином особняка на ближайшие полгода. Впрочем, это он так думал. А о чем думал еще один улыбочивый японец, встретивший их в аэропорту, и с тех пор не отпускавший Николаича ни на шаг – даже в туалете – русскому мастеру было неизвестно. И совершенно безразлично. Этот японец, в отличие от Юки – прекрасно говорил по-русски и двигался с грацией, в которой даже далекий от спорта Николаич распознал и упорные тренировки и явный талант рукопашника. А еще у этого человека, назвавшегося только по имени – Райдон, что по его собственным словам, с японского переводилось как Бог грома – были холодные оценивающие глаза, которые никак не подходили к широкой улыбке.

Райдон и представил Николаичу японку – женщину лет тридцати (хотя кто их узкоглазых, разберет?), назвав ее тоже по имени – Асука. Будылин чуть не споткнулся, представив себе, что ставит запятую после первого слога имени – и так приветствует домоправительницу каждое утро.

– Постой, какое утро?! – теперь он остановился окончательно.

Райдон тем временем, вскользь упомянув, что именно с этой женщиной вдвоем он, русский мастер, будет жить в особняке, сейчас с явной усмешкой объяснял, что имя домоправительницы, одновременно уборщицы, поварихи, и мастерицы еще многих искусств, некоторые из которых не упоминались даже в Домострое, означает «Аромат завтрашнего дня». Николаич, тоскливо представивший себе сегодняшнее вечернее, а потом ночное (!) времяпровождение, с облегчением переключился на это – на мысль, что Асука и сейчас в общем-то пахнет, точнее благоухает очень даже ничего, и...

Тут сильная рука Райдона толкнула его в дом, такой же аккуратный и уютный внутри, как снаружи. Будылин повернулся было назад с вопросом: «А где же Юки?». Но наткнулся лишь на улыбку Асуки и широкую фигуру такого же улыбочивого Райдона. Японец правильно понял вопрос, который так и не сорвался с губ русского.

– Господин Сасаки поехал домой, к семье. К тому же он очень занятой человек, и у него очень много обязанностей на работе.

– Как же, занятой! – чуть слышно пробормотал Николаич, наполняясь вполне понятной гордостью, – целую неделю на меня убил.

Домоправительница, как оказалось, уже накрыла стол в большой столовой, уютной и функциональной, как все в этом доме. Ванная в том числе – Николаич убедился в этом сразу же, попав туда на первом этаже («На втором есть еще одна», – любезно сообщила Асука), чтобы помыть руки с дороги. Оказалось, что делать это нужно было в другом помещении – в туалете, достаточно просторном, чтобы там разместились и унитаз с биде, и большая раковина, и шкаф, в который любопытный русский не преминул засунуть нос. Шкаф был забит разными туалетными принадлежностями, ждущими своего часа в идеальном порядке – словно рота почетного караула, замершая перед прибытием высокого начальства.

За дверью его с предупредительной улыбкой встретила японка, повторившая недавнюю фразу:

– На втором этаже еще один есть.

Асука вполне прилично говорила по-русски, только иногда делая смешные ошибки. Еще она – этого Будылина не сообщили – практически не уступала Райдону во владении собственным телом; во всех смыслах этого слова. В том числе касающихся боевых искусств. А уж поварихой была...

Николаич наконец отвалился от стола, с благодарностью глянув на японку, которая тут же принялась убирать посуду. Райдон исчез еще раньше, сообщив лишь, что ровно в восемь часов утра Николаич-сан должен стоять у калитки, что вела в чудесный садик. Улыбку он при этом куда-то спрятал, и Будылин понял, что деньги, которые лились на него щедрой рекой от щед-

рот японского правительства (или еще какой-то структуры, пока неизвестной ему) придется обрабатывать.

– Ничего, – глянул он на свои ладони, – работы мы не боимся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.